

Передвигаться на костылях Сюэ Фэйфэну было крайне неудобно, поэтому ему приходилось то и дело незаметно задействовать технику легкого шага — цигун. Но, как на грех, чья-то рука то и дело тянулась к нему, словно кошка лапой, то щекоча, то цепляясь за одежду.

Он резко остановился и помрачнел. Шэнь Цинжань, увлекаемый его костылями по инерции вперед, с размаху врезался прямо в него.

Если бы ноги Сюэ Фэйфэна действительно были покалечены, они бы оба непременно полетели на землю.

Он с раздражением покосился на Шэнь Цинжаня.

Судя по прошлому поведению этого человека, Сюэ Фэйфэн невольно заподозрил, что Шэнь Цинжань тайком лезет в карман — за деньгами.

Шэнь Цинжань толком ничем не мог помочь, но отчаянно боялся, что на неровной горной тропе Сюэ Фэйфэн оступится и рухнет. Поэтому он пытался оберегать его так, как взрослые страхуют едва научившегося ходить младенца.

Но поскольку сам он был ниже Сюэ Фэйфэна ростом, со стороны эти ухищрения выглядели неописуемо комично: он то задевал его локоть, то хватал за талию, словно всю жизнь пользовался случаем и щупал чужое тело.

Почувствовав на себе ледяной взгляд Сюэ Фэйфэна, Шэнь Цинжань никакой угрозы не ощутил.

В конце концов, его старший брат в прошлой жизни занимал высокий пост в военных кругах, и Шэнь Цинжаня вечно шпыняли за то, что он не умеет ни сидеть нормально, ни стоять прямо. Так что к подобным испепеляющим взорам ему было не привыкать.

Однако в следующий миг до него дошло, что сейчас он официально считается «женщиной»! Лицо его тут же вспыхнуло пунцовой краской, и он принялся отчаянно махать руками, беззвучно объясняя, что вовсе не собирался распускать руки и заигрывать.

Сюэ Фэйфэн посмотрел на его панические оправдания, но ничего не сказал, а лишь перехватил дорожный узелок с его плеча и понес сам.

Шэнь Цинжань ощутил приятную легкость в плечах, но слегка оторопел: «И чего этот муж со спины выглядит таким свирепым?»

Но куда важнее был другой вопрос — что, черт возьми, делать с той горой куриных костей дома?!

Когда Сюэ Фэйфэн только прибыл в деревню Лицзяцунь, ради пущего правдоподобия обычной крестьянской жизни он велел Чан Баю купить целый выводок кур и петухов, а также разбить вокруг дома несколько грядок с редькой и зеленью, полностью обеспечив хозяйство зерном и маслом.

И вот теперь он застыл посреди двора, созерцая разоренное пепелище, в которое превратился его огород, и погрузился в глубокие думы.

Грядки были усеяны мелкими лунками. Неужели Шэнь Цинжань выдрал и сожрал даже те побеги, что едва доросли до размера большого пальца?

Ему что, оставленных денег и риса не хватило?

Шэнь Цинжань понуро плелся следом. После долгого похода на гору нежная кожа на его подошвах с непривычки покрылась болезненными мозолями, которые к тому же натерлись о грубую обувь и лопнули — ощущения были до крайности «освежающими».

Но сейчас это волновало его меньше всего. Шэнь Цинжань бросил невинный взгляд на разоренные грядки, с трудом подавил жалостливый вздох, а затем указал пальцем сначала на землю, потом на себя и отчаянно замахал руками.

«Это не я сделал!»

Внезапно его осенила гениальная мысль, и он принялся лихорадочно изображать, что пять дней назад глубокой ночью во двор ворвался огромный дикий кабан. Поняв, что язык жестов дается ему с превеликим трудом, Шэнь Цинжань решительно притянул к себе ладонь Сюэ Фэйфэна, разогнул его пальцы и вывел на ней один за другим четыре иероглифа: «Съел дикий кабан».

Подушечки его пальцев, никогда не знавшие тяжелого труда, были округлыми и невероятно нежными. Когда они коснулись ладони Сюэ Фэйфэна, привыкшей к шероховатой рукояти меча и копья, это было похоже на то, как гибкая молодая ивовая ветвь едва уловимо скользит по суровому прибрежному утесу.

Сюэ Фэйфэн с легким неудовольствием отдернул руку и с холодным лицом направился к дому. Вся эта история звучала дико, но в целом он не был удивлен. Ровно до тех пор, пока прямо перед собой не увидел возвышающуюся гору куриных костей, вокруг которой мириады муравьев уже успели организовать несколько десятков плотных транспортных колонн.

«Вот оно что. То-то дома стоит такая гробовая тишина — оказывается, кроме самого Шэнь Цинжаня, в этом хозяйстве сожрали вообще всё живое».

Буквально минуту назад он наивно полагался на то, что Шэнь Цинжань за девять дней в одиночестве хоть немного научился самостоятельности. Теперь же в голове крутилось лишь одно емкое резюме: горбатого могила исправит.

Шэнь Цинжань мысленно взвыл: «Скажи я тебе правду, ты бы все равно не поверил. Куры действительно упокоились в моем желудке, но сожрал их точно не я!»

Под леденящим, пронзительным взглядом Сюэ Фэйфэна парень, который целый день откладывал уборку просто потому, что его тошнило от одного вида этих объедков, мигом сориентировался. Он шустро выудил из угла плетеный совок и принялся сгребать кости, едва сдерживая рвотные позывы от жуткого амбре.

Увидев, в какую одежду облачен Шэнь Цинжань, Сюэ Фэйфэн сразу понял, что его личные покои бесцеремонно перерыли. Но по сравнению с этой внезапной показной угодливостью, Сюэ Фэйфэн уже ни одной его дерзости не удивился бы.

К его изумлению, хотя в комнате явно кто-то побывал, там не царило такого кошмарного хаоса, как во всем остальном доме. Все вещи лежали строго на своих местах, разве что на полу появился скромный матрас.

— Ты эти дни спала здесь? — спросил Сюэ Фэйфэн, и в его голосе трудно было уловить гнев или одобрение.

Лихорадочно изучая выражение его лица, Шэнь Цинжань осторожно и послушно кивнул. В комнате прежнего владельца тела было не просто грязно — там стоял невыносимый смрад тухлятины идохлых мышей.

Шэнь Цинжань всерьез подозревал, не справлял ли этот ленивый паразит нужду прямо под кровать, чтобы ночью не тащиться до нужника.

Да как в таком месте вообще можно находиться?!

Шэнь Цинжань, который в прошлой жизни признавал исключительно пятизвездочные отели, наотрез отказался разгребать ту помойку.

— Сегодня же возвращайся спать к себе, — Сюэ Фэйфэн потянул за ручку, собираясь закрыть дверь.

Тот факт, что Шэнь Цинжань не устроила погром в его комнате и не посмела лечь на его кровать, немного успокоило его.

Но тут Сюэ Фэйфэн мысленно усмехнулся: «С каких это пор моя планка требований упала так низко? Окажись в моей армии подобный ленивый боец, я бы его лично заporол плетью до полусмерти».

Шэнь Цинжань испуганно вцепился в дверь, умоляюще сложил ладони лодочкой перед грудью и посмотрел на Сюэ Фэйфэна полными слез глазами. В этот момент он особенно сильно возненавидел свою вынужденную немоту: его подвешенный язык, способный заговорить кого угодно, сейчас был абсолютно бесполезен.

Со свежей раной на лбу и заплаканными глазами Шэнь Цинжань выглядел неопиcуемо жалко. Однако сердце Сюэ Фэйфэна оставалось холодным, как лед.

Дверь перед носом парня медленно, но неумолимо закрывалась, не оставляя ему ни единого шанса.

«Да мне сегодня проще в курятнике лечь спать!»

«Какой вообще смысл в этой жизни, если я не могу переспать с Сюэ Фэйфэном!»

«Нет, стоп», — Шэнь Цинжань судорожно перестроил поток мыслей: «Какой смысл в жизни, если я не могу спать в комнате Сюэ Фэйфэна!»

«Может, я просто плохо подлизываюсь и он не видит моей искренности?»

«А не приготовить ли мне для него ужин? Он ведь только с дороги, наверняка проголодался как собака?»

Шэнь Цинжань перешел от мыслей к делу. За последние два дня его кулинарных экспериментов было переведено немало добра, так что сейчас на дне кувшина оставалось всего две крошечные горсти риса. Рисковать и варить рассыпчатый рис он не решился, рассудив, что проще всего сделать жидкую рисовую кашу — чжоу. На то, чтобы просто развести огонь, у него ушло целых две попытки.

Должно быть, боги над ним сжалились. Глядя на свежеприготовленную белоснежную кашу, Шэнь Цинжань едва не разрыдался от нахлынувших чувств. В котел не падала сажа, каша не

пожелтела от плохо вымытого дна и, более того, она ни капли не подгорела — в ней даже можно было без труда узнать исходный рис!

Шэнь Цинжань шумно сглотнул слюну. Ему и самому до безумия хотелось есть — сколько дней он уже нормально не питался?

«А что, если мне втихаря отложить себе капельку?» — подумал он, но тут перед глазами возникла статная фигура Сюэ Фэйфэна.

«Ладно, бог с ним, сперва нужно досыта накормить этого грозного мужа».

Посмотрев на свои измазанные в золе ладони, он сурово запричитал про себя: «Надо же, только встретились, а я уже к нему предвзято отношусь! Когда готовлю себе — выходит редкостная гадость, а ради него расстарался!»

Тук-тук-тук... — Шэнь Цинжань тихонько постучал в дверь.

Сюэ Фэйфэн, который в этот момент как раз протирал лезвие меча, на мгновение замер, решив притвориться, что ничего не слышит.

Но Шэнь Цинжань проявил завидное упорство и постучал снова.

Глубоко вздохнув, Сюэ Фэйфэн отложил меч, быстрым взмахом руки подтянул к себе костыли, принял подобающий вид немощного калеки и только тогда отпер дверь.

— Что-то случилось?

Шэнь Цинжань с гордым видом выставил перед лицом Сюэ Фэйфэна дымящуюся миску: «Пора обедать!»

— Я не голоден, ешь сама.

Шэнь Цинжань, не теряя ни секунды, ловко юркнул под его рукой прямо в комнату. Поскольку Сюэ Фэйфэн сейчас изображал малоподвижного инвалида, ему оставалось лишь беспомощно наблюдать за этим несанкционированным вторжением.

Сюэ Фэйфэн и представить себе не мог, что у Шэнь Цинжаня окажется столько терпения — та замерла над душой с таким видом, словно не уйдет, пока Сюэ Фэйфэн не опустошит миску до самого дна.

Мужчина тихо вздохнул. Уж лучше бы она, как и раньше, едва завидев его, сразу требовала серебро. По крайней мере, тогда они виделись от силы раз в день.

— Спасибо, — Сюэ Фэйфэн с видимым трудом опустил на табурет, и в ту же секунду в его ладонь бережно вложили палочки для еды.

Шэнь Цинжань с выражением безграничной материнской любви и нежности наблюдал за тем, как Сюэ Фэйфэн приступает к трапезе. Стоило мужчине поудобнее перехватить палочки, как на губах Шэнь Цинжаня начала расплываться довольная улыбка. Но не успела она раскрыться вовсю, как Сюэ Фэйфэн внезапно отложил палочки обратно на стол.

«А?»

«Зачем это он встал? Куда это он направился?»

Увидев, что Сюэ Фэйфэн целеустремленно ковыляет к настенному шкафчику, Шэнь Цинжань похолодел от ужаса. В том шкафу изначально хранились приличные запасы солений и вяленого мяса. Но прежний хозяин тела посчитал соленья редкостной гадостью и попросту выкинул их, а вяленое мясо без остатка растащили его деревенские дружки-собутельники.

«Нет!»

«Революция еще не увенчалась успехом, как можно позволить Сюэ Фэйфэну узнать, что я и эти припасы пустил по ветру?!»

Шэнь Цинжань, словно юркий вьюн, молниеносно метнулся наперерез, заступил дорогу к шкафчику, перехватил руку Сюэ Фэйфэна и со стоической улыбкой на лице замотал головой.

«Вяленые продукты вредны для здоровья, они вызывают рак! Верь мне!» — отчаянно кричала его душа, пока сам он поспешно притянул к себе ладонь мужа и принялся лихорадочно выводить на ней: «В те дни лил дождь, всё покрылось плесенью, я выбросил».

Он осторожно заглянул в глаза Сюэ Фэйфэна, но уловил в них лишь тень мгновенного понимания.

Поняв, что его топорная ложь шита белыми нитками, Шэнь Цинжань вспыхнул до самых ушей. В смущении он принялся неловко ерошить свои волосы, как вдруг случайно задел локтем дверцу шкафа.

Она приоткрылась, и оттуда на пол вывалились два брачных свидетельства — гэнти, которыми они обменялись при заключении брака. В свое время оба не придали этому обряду никакого значения и даже не довели положенные ритуалы до конца, поэтому документы просто небрежно засунули в первый попавшийся угол.

Он поднял их с пола и бегло осмотрел. Пусть в огородных культурах он не смыслил вовсе, но базовое литературное образование у него имелось.

Ли Фэн родился в год Цзихай, а Шэнь Цинжань — в год Усюй. Иными словами, Ли Фэну в этом году исполнилось двадцать два года, а Шэнь Цинжаню — двадцать три.

«Но ведь в прошлой жизни мне уже стукнуло двадцать семь!» — взгляд Шэнь Цинжаня дрогнул. Оказывается, человек, стоящий перед ним, мало того что в семнадцать лет ушел на фронт защищать родину и вернулся инвалидом на обе ноги, так он еще и младший братишка!

Из тех «младших», кто еще ходил пешком под стол в начальную школу, когда сам Шэнь Цинжань уже оканчивал старшие классы!

«Какой же этот младший братишка несчастный... На войне покалечился, домой вернулся, а тут еще и законная супруга над ним измывается, у-у-у. Я обязан окружить его заботой и теплом».

Сюэ Фэйфэн понятия не имел, почему взгляд Шэнь Цинжаня внезапно претерпел такие странные метаморфозы, став каким-то... по-матерински заботливым. Он поспешно отмахнулся от этой нелепой, бросающей в дрожь мысли, мимоходом заподозрив: уж не раскусили ли его?

Двадцать два года — это был возраст настоящего Ли Фэна. Самому же Сюэ Фэйфэну уже исполнилось двадцать шесть, так что налицо была явная попытка «помолодеть» по документам.

Они молча созерцали друг друга добрую минуту, но мысли их витали в абсолютно разных

вселенных.

В какой-то момент Сюэ Фэйфэн и Шэнь Цинжань оказались настолько близко, что их грудные клетки едва не соприкоснулись. Шэнь Цинжань внезапно опомнился и, словно испуганный цыпленок под мертвым взглядом ястреба, изо всех сил вжался спиной в настенный шкаф.

«А вдруг Сюэ Фэйфэн сейчас заметит, что у меня совершенно плоская грудь?!»

Шэнь Цинжань слегка приоткрыл рот, впадая в весьма деликатную панику.

Сюэ Фэйфэн, отродясь близко не знавший женщин, о подобных вещах даже подумать не мог. Он смутно ощущал какую-то странность в поведении супруга, но мышление и выучка прирожденного полководца жестко ограничивали траекторию его мыслей.

На подсознательном уровне он рассудил, что развивать эту тему дальше будет верхом неприличия, поэтому вовремя обуздал коней, развернулся и отошел в сторону.

...

Шэнь Цинжань хвостиком поплелся за ним обратно к столу. Наблюдая за тем, как Сюэ Фэйфэн чинно и благородно зачерпывает ложкой белоснежную кашу, он снова расплылся в нежной улыбке: «Братишке нужно побольше кушать, чтобы поскорее залечить раны. У твоего старшего брата руки не из того места растут, так что ничем, кроме жидкой каши, я тебя порадовать не могу».

Пока Шэнь Цинжань вовсю отыгрывал в мыслях эту драму, его собственный желудок в самый неподходящий момент предательски издал громкий, протяжный урчащий звук.

В условиях абсолютной тишины, где не было ни кудахтанья кур, ни криков уток, ни соседской ругани, этот звук прозвучал оглушительно и неуместно.

«У этого желудка явно есть свое собственное мнение на сей счет!»

Молодой господин Шэнь был искренне потрясен: надо же, оказывается, когда человек по-настоящему голоден, его живот действительно умеет так громко выть!

Если вчерашний день еще можно было списать на период «разгрузки» после жирных мясных пиров прежнего хозяина тела, то сегодня парень был голоден до умопомрачения.

Выражение лица Сюэ Фэйфэна стало довольно странным:

— Ты что, сама не ела?

Шэнь Цинжань сконфуженно кивнул и сделал вежливый жест рукой, призывая мужа: «Вы кушайте первым, ни о чем не беспокойтесь».

Сюэ Фэйфэна внезапно осенила какая-то мысль, и он, опираясь на костыли, побрел на маленькую кухню. Возле очага сиротливо ютилась жалкая горстка хвороста, обнажая потрескавшуюся желтую глину, а крышка глиняного кувшина для риса была сдвинута в сторону — внутри было абсолютно чисто и пусто.

Сюэ Фэйфэн перевел взгляд с пустого кувшина на живот Шэнь Цинжаня...

В то, что Шэнь Цинжань в одиночку съела всех кур, он еще мог поверить: Шэнь Цинжань

отличалась редкой разборчивостью в еде и вполне могла сожрать только сочные бедрышки и грудку.

Но чтобы в один присест уничтожить столько риса... Это надо быть не человеком, а настоящим бездонным чаном для еды!

«Бездонный чан» Шэнь Цинжань готов был сквозь землю провалиться от стыда. Ему безумно хотелось хоть как-то объясниться и доказать, что эту кашу они на самом деле уничтожали огромной толпой.

Однако в понимании древних людей совместные пирушки замужней женщины с кучей посторонних мужчин не могли быть невинными.

Муж уехал на долгие дни, а его благоверная созвала толпу бездельников, устраивая шумные оргии день и ночь — только круглый дурак поверил бы, что они там просто чай пили.

Тем не менее, приняв во внимание тот факт, что последнюю плошку жидкой каши Шэнь Цинжань без остатка оставил ему, Сюэ Фэйфэн запустил руку за пояс и выудил оттуда мелкий осколок серебра.

— Ладно. Сходи к тетушке Чжан и обменяй это на немного риса, муки и яиц.

Шэнь Цинжань не спешил брать деньги. Из его округлившихся глаз, в которых отразилось целое море чувств, внезапно выкатились две крупные слезинки — точь-в-точь как у раскаявшейся непутевой жены, которая дочиста промотала все семейное имущество и теперь горько плачет от стыда.

Пока он ждал мужа, он успел навоображать тысячу и один сценарий того, как Сюэ Фэйфэн сотрет его в порошок от праведного гнева. Но ничего из этого не произошло.

Его уровень жизни рухнул из рая прямиком в преисподнюю, он два дня провел впроголодь в абсолютно незнакомом и чужом мире, и эта простая, лишённая явной заботы фраза Сюэ Фэйфэна внезапно подарила Шэнь Цинжаню глубокое, щемящее чувство защищённости: «Я здесь больше не один».

«У-у-у, Сюэ Фэйфэн просто золотой человек! Мало того что разводную грамоту не настрочил, так еще и деньги на еду дает... Вот только кто такая эта тетушка Чжан, может, объяснишь поподробнее, а то я сейчас прямо от голода разрываюсь!»

<http://bllate.org/book/17933/1718902>